

Для цитирования:

Саликов М. С., Мочалов А. Н. Обеспечение баланса интересов как основная задача конституционно-правового регулирования // *European and Asian Law Review*. 2023. № 3. Т. 6. С. 10–28. DOI: 10.34076/27821668_2023_6_3_10.

Information for citation:

Salikov, M. S. & Mochalov, A. N. (2023) Obespechenie balansa interesov kak osnovnaya zadacha konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [Ensuring a Balance of Interests as the Main Task of Constitutional Regulation]. *European and Asian Law Review*. 6 (3), 10–28. DOI: 10.34076/27821668_2023_6_3_10.

УДК 342

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2023_6_3_10

*Научная статья***ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*****М. С. Саликов**

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-2461-9484

А. Н. Мочалов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-2502-559X

Авторы статьи анализируют действие механизмов обеспечения баланса интересов в конституционном праве России. Рассматриваются два типа конкуренции интересов – конкуренция разнонаправленных частных интересов, реализуемых различными индивидуальными субъектами и их объединениями, а также конкуренция между частными и публичными интересами. На материалах практики Конституционного Суда Российской Федерации показано, как в различных ситуациях обеспечивается равновесие между конкурирующими интересами. Авторы исследуют действие принципов равенства и справедливости с точки зрения обеспечения баланса интересов, а также механизмы ограничения прав и свобод человека и гражданина. Авторы приходят к выводу, что баланс интересов, допуская возможность соразмерного и разумного ограничения индивидуальных прав и свобод для обеспечения публичного интереса и защиты прав и свобод индивидов, в то же время не допускает произвольного умаления интересов одних индивидов в угоду интересам других. При этом «точка равновесия» между конкурирующими интересами подвижна и зависит от конкретного социально-политического контекста, существующего в соответствующий исторический промежуток времени.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0202/23.

Ключевые слова: баланс интересов, права и свободы человека и гражданина, публичные интересы, равноправие, справедливость, ограничения прав и свобод, конституционное право, Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации

ENSURING A BALANCE OF INTERESTS AS THE MAIN TASK OF CONSTITUTIONAL REGULATION

Marat S. Salikov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-2461-9484

Artur N. Mochalov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-2502-559X

The authors analyze the operation of mechanisms to ensure a balance of interests in the constitutional law of Russia. Two types of competition of interests are considered: competition of multidirectional private interests realized by various individuals and their associations, and competition between private and public interests. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation shows how a balance between competing interests is achieved in various situations. The authors consider the application of the principles of equality and justice from the point of view of the balance of interests, as well as mechanisms for restricting human rights and freedoms. The authors conclude that the balance of interests, while allowing for the possibility of a proportionate and reasonable restriction of individual rights and freedoms to ensure public interests and protect individual rights and freedoms, does not allow arbitrary encroachment on the interests of some persons in the interests of others. At the same time, the 'point of equilibrium' between competing interests is mobile and depends on the specific socio-political context that exists in the corresponding historical period.

Key words: *balance of interests, human rights and freedoms, public interests, equality, justice, restrictions on rights and freedoms, constitutional law, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation*

Введение

Конституционное право, будучи ведущей отраслью права в правовой системе любого государства, регулирует широкий спектр базовых общественных отношений. Прежде всего это основополагающие отношения между личностью и государством, а также отношения по поводу осуществления верховной государственной власти. Образую фундамент национального правового регулирования, конституционное право призвано обеспечивать реализацию частных интересов различных индивидуальных субъектов, а также публичных (общественных) интересов. Подчас эти интересы являются разнонаправленными и даже взаимоисключающими, поэтому основная задача конституционно-правового регулирования – создать юридический каркас, уравнивающий противоположные интересы и позволяющий им сосуществовать и реализовываться в едином правовом поле.

Безусловно, обеспечение баланса интересов является краеугольным камнем любой отрасли права – гражданского [Кулаков, 2016], административного [Уманская, 2017], трудового [Головина, 2011; Ломакина, 2021], уголовно-процессуального

[Давлетов, Азарёнок, 2021]. Но именно конституционному праву – в силу универсального характера регулирования, распространяющегося на всех субъектов, находящихся под юрисдикцией государства, и на все правоотношения (включая отраслевые), принадлежит особая роль в установлении такого баланса, что подчеркивается в ряде работ [Астафичев, 2014; Нарутто, 2010; Сафонов, 2020; Ульянов, 2013].

Можно выделить три типа конкуренции интересов в конституционном праве, обуславливающей необходимость поиска баланса. Первый тип – конкуренция между различными частными интересами разных субъектов. Второй тип – конкуренция между частным и публичным интересами. Третий тип – конкуренция между несколькими публичными интересами. В силу ограниченного объема статьи мы остановимся на первых двух типах. Проблематика поиска баланса между различными публичными интересами и лежащими в их основе конституционными ценностями требует отдельного обсуждения и получила отражение в ряде научных работ [Кондрашев, 2017; Несмеянова, 2017; Блещик, Калинина, Несмеянова, 2021].

Равновесие между конкурирующими интересами может достигаться различными путями. В ряде случаев баланс определяет сама Конституция Российской Федерации, устанавливая ограничения, запреты и условия реализации того или иного права. В большинстве случаев соответствующие ограничения, запреты и условия содержатся в текущем законодательстве, опирающемся на установленные Конституцией императивы. В спорных ситуациях баланс может быть определен посредством конституционно-судебного толкования.

В данной статье будут рассмотрены основные правовые средства и механизмы обеспечения баланса интересов в конституционном праве, среди которых – конституционные принципы равенства и справедливости, равновесие конкурирующих прав и свобод, равновесие конституционных прав и обязанностей, ограничение конституционных прав и свобод.

Материалы и методы

Эмпирической основой исследования являются нормы Конституции Российской Федерации, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в которых получило отражение официальное толкование соответствующих положений. При проведении исследования использован главным образом формально-юридический метод, позволяющий анализировать содержание отдельных конституционных норм и их системной связи друг с другом.

Принципы равенства и справедливости как конституционная основа баланса интересов. Один из центральных конституционно-правовых институтов – конституционно-правовой статус личности – буквально пронизан идеей о необходимости поддержания баланса интересов. Речь идет как о балансе частных интересов различных индивидов, так и о балансе между частными и публичными интересами.

Часть 3 ст. 17 Конституции РФ содержит фундаментальный императив, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В данной конституционной формуле отражена известная идея о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. В основе этого императива лежат принцип равенства всех индивидов перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), а также право каждого на достоинство (ст. 21 Конституции РФ). «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира», – гласит преамбула к Всеобщей декларации прав человека.

Требование о ненарушении прав и свобод других людей устанавливает естественные пределы реализации всякого субъективного права и всякой свободы, выступая критерием баланса между частными интересами различных индивидов и их объединений. При этом принцип равенства имеет известные исключения, обусловленные в первую очередь действием другого фундаментального конституционного принципа – принципа справедливости. В ряде случаев данный принцип предполагает определенные отступления от формального равенства, предоставляя большую защиту или больший объем гарантий слабой стороне правоотношений и по-иному устанавливая баланс интересов. Особенно актуален принцип справедливости в сферах реализации экономических и социальных прав человека, где формальное равенство может обернуться материальным неравенством (Определение Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 17-О).

Например, Конституционный Суд РФ прибегал к использованию принципа справедливости в обоснование необходимости защиты прав работника как более слабой стороны в отношениях с работодателем (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2022 г. № 3-П), особой защиты прав собственников недвижимого имущества в случае изъятия такого имущества для публичных нужд (Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2019 г. № 9-П) и т. д.

Интересен подход Конституционного Суда РФ к использованию принципа справедливости в «деле о параллельном импорте» (Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П). Согласно ст. 1515 Гражданского кодекса РФ в деликтном правоотношении, связанном с защитой исключительного права на товарный знак, правообладатель поставлен изначально в более выгодное положение в сравнении с предполагаемым нарушителем: в частности, при предъявлении требований о компенсации за нарушения он освобождается от необходимости доказывания размера убытков. Вместе с тем, как отметил Конституционный Суд РФ, если норма закона ставит одну сторону (правообладателя) при защите своих прав в более выгодное положение, а в отношении другой предусматривает возможность наступления неблагоприятных последствий, суд при рассмотрении спора, исходя из принципа справедливости, «должен руководствоваться в рамках предоставленной ему дискреции правовыми критериями баланса конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности правонарушающему деянию».

Интересно, что принцип справедливости непосредственно не закреплен в российском Основном законе (лишь в преамбуле вскользь упоминается «вера в добро и в справедливость»). Однако, как подчеркивается в Информации Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г.), «упоминание в преамбуле к Конституции о вере в добро и справедливость, подтверждая намерение конституционного законодателя сообщить идее справедливости юридическое выражение, означает, что никто, в том числе публичная власть, не может своими действиями подрывать признание справедливости в качестве безусловной ценности».

Кроме отражения в преамбуле принцип справедливости имплицитно выражается через принцип социального государства, каковым в ст. 7 Конституции провозглашается Российская Федерация, а также через конституционные права и свободы, закрепленные в главе 2 Основного закона, и в последующем получающие конституционно-правовое развитие в подконституционном регулировании. Интересной представляется точка зрения Дж. Ролза, исследовавшего вопросы справедливости

и внесшего значительный вклад в науку своим известным трудом «Теория справедливости» (1971 г.) [Ролз, 2010]. Он называл главным условием социальной справедливости «справедливое распределение, которое поддерживается институционально, а о формальных критериях институтов необходимо договариваться, чтобы прийти к балансу интересов, консенсусу» [Борисова, 2015: 55].

Конституционный Суд РФ не раз констатировал признание в России принципа справедливости – одновременно конституционного и общеправового, – выводя его из содержания ст. 2, 7, 18, 19 и 55 Конституции, а также из ее преамбулы¹. Так, в Постановлении от 18 июля 2008 г. № 10-П Конституционный Суд раскрыл действие принципа справедливости в хозяйственной сфере. Оно заключается в «необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия» и проявляется, в частности, в том, что «свобода, признаваемая за хозяйствующими субъектами, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к ним требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность». Будучи предназначенным для «выравнивания объективно предопределенного неравенства» (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П), принцип справедливости допускает определенную дифференциацию при установлении тех или иных специальных условий в отношении некоторых групп субъектов права (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П).

В Постановлении от 24 марта 2022 г. № 12-П Конституционный Суд РФ рассмотрел принцип равенства как частный случай принципа справедливости, «запрещающий, чтобы с равными по существу лицами закон обращался неравно». Таким образом, принципы равенства и справедливости не могут рассматриваться в качестве антагонистов. Действуя совместно и неразрывно друг с другом, они выступают юридическим фундаментом для установления баланса между интересами различных частных субъектов, а также между личными и публичными интересами (например, при дифференциации наказания за совершение правонарушений).

Равновесие конкурирующих прав и свобод. Из принципа юридического равенства вытекает, что всякий индивид располагает одинаковым набором прав, свобод и обязанностей наравне с другими индивидами, находящимися в аналогичном конституционно-правовом статусе. Неотчуждаемость и полнота прав и свобод вкупе с принципом юридического равенства означают, что никакое право и никакая свобода не имеют заранее определенного приоритета перед другими правами и свободами. Согласно ст. 2 Конституции РФ все права и свободы человека и гражданина признаются в России в качестве высшей ценности; они составляют основы конституционно-правового статуса личности (ст. 64 Конституции РФ) и являются, таким образом, равноценными; они не могут находиться в отношениях главенства и подчинения.

Вместе с тем в конкретных правоотношениях регулярно происходит столкновение разнонаправленных интересов различных индивидов и групп, что предполагает необходимость поиска правоприменителем баланса интересов в каждом случае, с учетом конкретных фактических обстоятельств. Главная задача определения равновесия различных, но при этом равноценных прав – преодоление противоречий

¹ Например, Конституционный Суд РФ, говоря о принципе справедливости, ссылается на преамбулу к Конституции РФ в Определении от 3 июля 2008 г. № 677-О-П, тем самым признавая за этой частью конституционного текста не только политико-правовое, но и нормативное значение.

между ними; «такая их притирка, которая помогает им взаимно дополнять и усиливать друг друга или оставаться взаимно нейтральными» [Кокотов, 2020].

Очевидно, что реализация человеком того или иного права или свободы может вызывать определенные неудобства у другого человека или других людей. Так, проведение митинга или демонстрации может привести к определенным кратковременным ограничениям свободы передвижения тех людей, которые не участвуют в данном публичном мероприятии. Однако возникновение таких неудобств носит объективный характер и само по себе не может расцениваться как основание для запрета на проведение публичных мероприятий как таковых (только лишь на том основании, что кому-то это может причинить неудобства). Аналогичным образом реализуется свобода слова: выраженное кем-либо мнение не обязательно должно быть позитивно воспринято всеми окружающими. Мнение может быть спорным, неоднозначным, эпатажным; оно может вызывать неприятие, критику или протест. Однако это также не является основанием для запрета любых мнений, которые могут показаться кому-то неприятными или неуместными. Ценность прав и свобод человека заключается не только в возможности выбора индивидом вариантов поведения, но и в осознании каждым индивидом границ собственной свободы, умении соизмерять свои интересы с интересами других людей и в определенных случаях сдерживать собственные притязания. Важным при определении баланса между конкурирующими интересами является поиск границы, при которой допустимое ограничение реализации права, обусловленное объективными предпосылками, переходит в недопустимое умаление права.

Свобода передвижения, разумеется, одна из фундаментальных индивидуальных свобод в демократическом обществе. Вместе с тем в ситуации, связанной с проведением публичного мероприятия, приоритет получает именно право на организацию такого мероприятия и на участие в нем, даже если реализация такого права создает неудобства для других людей. С учетом временного характера таких неудобств, а также ценности свободного выражения мнения по актуальным вопросам информационной повестки право других людей на свободное передвижение нельзя считать нарушенным. По-иному обстоит дело в случаях, когда публичное мероприятие носит заведомо для организаторов и участников незаконный характер, в том числе когда оно не является мирным. Свобода собраний в данной ситуации уже не подлежит защите, а создаваемые нарушителями общественного порядка неудобства уже могут быть расценены как умаление прав других людей.

В свою очередь право на публичные мероприятия, не будучи абсолютным, тоже может быть ограничено, в том числе для обеспечения конкурирующих интересов, которые в определенных ситуациях получают больший приоритет и соответственно большую степень защиты. Например, проведение публичных мероприятий (кроме пикетирований) запрещается в культовых помещениях, зданиях и сооружениях, на расположенных под ними земельных участках, а также в местах паломничества (п. 4 ч. 2.1-1 ст. 8 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). В результате при конкуренции интересов, связанных с проведением публичного мероприятия с одной стороны и реализацией свободы вероисповедания – с другой, преимущество получает последний.

Конкурирующими могут быть не только частные интересы различных индивидов или отдельных групп (объединений). Конкуренция может возникать и между частным интересом с одной стороны и публичным – с другой. Необходимо заме-

титель, что сама по себе идея конституционализма заключается в сдерживании интересов государства, недопущении вседозволенности. Права и свободы человека в этом смысле выступают в качестве одного из ограничителей власти государства и стоят в одном ряду с такими ценностями конституционализма, как разделение властей, республиканизм, непосредственная и представительная демократия и т. д. В России права и свободы человека и гражданина, будучи признанными в качестве высшей ценности (ст. 2 Конституции), устанавливают пределы власти государства и связанных с ее осуществлением публичных интересов. Органы публичной власти, по общему правилу, не должны вторгаться в сферу индивидуальных свобод, в том числе определять действия индивидов и осуществлять тотальный контроль над ними. Безграничная государственная власть, прикрываемая публичными интересами, характерна для деспотических режимов, но неприемлема в условиях демократического правового государства, коим провозглашена Российская Федерация (ст. 1 Конституции РФ).

Пределы государственной власти, задаваемые фундаментальными правами и свободами, получили закрепление в ст. 18 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина, будучи непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Другими словами, права и свободы выступают в качестве критерия конституционной правомерности действий органов публичной власти и принимаемых ими правовых актов. Если деятельность какого-либо органа или должностного лица несовместима с правами и свободами человека и гражданина и имеет следствием умаление прав и свобод, то такая деятельность не может считаться соответствующей Конституции. Важную позицию в связи с этим сформулировал Конституционный Суд РФ: «Личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами... и спорить с государством в лице любых его органов» (Постановление от 3 мая 1995 г. № 4-П). Принцип правового государства в свете рассматриваемой конституционной нормы также не сводится лишь к формальному верховенству закона (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ) и обязанности каждого соблюдать Конституцию и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). Только тот закон может обладать свойством верховенства, который согласуется с фундаментальными правами и свободами человека и гражданина. Иное понимание вступило бы в противоречие со ст. 2 и 18 Конституции РФ и искажало бы смысл принципа правового государства.

Таким образом, баланс между частными и публичными интересами определяется в Конституции РФ на основе принципа приоритета человека, его прав и свобод, и подчинения деятельности публичной власти, реализующей публичный интерес, правам и свободам человека и гражданина как высшей ценности. Впрочем, данную конституционную формулу не следует понимать как абсолютный и безусловный приоритет частных интересов. При более внимательном взгляде на природу публичных интересов можно обнаружить, что они не противостоят частным интересам, а, напротив, направлены на создание условий, при которых – и только при которых – реализация частных интересов становится возможной.

Так, публичные интересы, связанные с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечением обороны и безопасности государства, являются необходимым условием осуществления человеком прав и свобод. Этим

обусловлена возможность государства устанавливать ограничения конституционных прав и свобод, необходимые для защиты перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ конституционных ценностей, отражающих публичные интересы (об этом также пойдет речь далее). Однако если государство, декларируя обеспечение публичных интересов, начинает чрезмерно вторгаться в сферу индивидуальной свободы, налагая на индивидов несоразмерные ограничения их прав, не являющиеся объективно необходимыми для защиты общественно значимых ценностей, то баланс между частными и публичными интересами оказывается нарушен.

Довольно любопытной представляется позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 14 ноября 2019 г. № 35-П. В данном Постановлении Суд подчеркнул важность установления и соблюдения требования о целевом использовании земельных участков. Этот принцип «призван обеспечить эффективное использование и одновременно охрану земли» как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9 Конституции РФ). Принцип целевого использования земельных участков тесно связан с обеспечением прав граждан на благоприятную окружающую среду и направлен, таким образом, на обеспечение публичного интереса. Вместе с тем если земельный участок предоставлен для целей ведения личного подсобного хозяйства и на нем расположен индивидуальный жилой дом, это не препятствует законному владельцу недвижимости предоставлять дом религиозной организации для совершения религиозных обрядов и церемоний; изменения целевого назначения земельного участка, как пояснил Конституционный Суд, в этом случае не требуется. Подобное использование жилого помещения, находящегося на земельном участке, предоставленном для ведения личного подсобного хозяйства, не способно нарушить публичные интересы, ради которых устанавливается принцип целевого использования земель.

Конституционный Суд встал в данном деле на защиту частных интересов, связанных с реализацией собственником своих правомочий владения и пользования жилым домом, а также свободы вероисповедания и права объединяться с другими людьми для совместного исповедания религии. Однако Суд подчеркнул, что «точка равновесия» изменится в ситуации, когда «это помещение, фактически утратив признаки жилого, приобретает характеристики культового либо административного (служебного) помещения религиозной организации, подлежащего размещению на земельных участках с иным видом разрешенного использования». В этом случае частный интерес уже будет вынужден подчиниться интересам публичным, и размещение соответствующего здания возможно только на специально предназначенных для этого земельных участках.

Другим интересным примером определения баланса между конкурирующими интересами является рассмотренное Конституционным Судом РФ дело по жалобе общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» (Постановление от 25 мая 2021 г. № 22-П). Спор был связан с размещением на одном из сайтов (зарегистрированном в качестве сетевого издания) информации о медицинских работниках на основе сведений, размещенных в открытом доступе в сети Интернет на сайтах соответствующих медицинских организаций, и предоставлением пользователям возможности оставлять отзывы и комментарии в отношении того или иного врача. Обращению общества, являющегося редакцией сетевого издания, в Конституционный Суд РФ предшествовал судебный спор по иску медицинского работника, сведения о которой (место работы, врачебная специальность, стаж работы и т. д.) были размещены на сайте без ее согласия – только на основании информа-

ции, взятой в автоматическом режиме с сайта больницы. Наряду с этим на сайте были размещены отзывы пациентов.

Суды, рассматривавшие дело по существу, встали на сторону истицы, решив, что администрация сетевого издания нарушила неприкосновенность ее частной жизни, использовав и разместив на сайте ее персональные данные без согласия субъекта. Однако Конституционный Суд РФ, куда обратилась проигравшая сторона, занял иную позицию. Согласившись с тем, что сведения о медицинском работнике относятся к персональным данным и составляют информацию о частной жизни гражданина, Конституционный Суд вместе с тем отметил, что право на неприкосновенность частной жизни в данном случае не может иметь абсолютный характер. Ему противостоит право других индивидов на свободный поиск и получение информации.

Доступ к актуальной и достоверной информации о медицинских работниках гарантируется положениями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», обязывающего медицинские организации размещать такие сведения в открытом доступе. Право гражданина при выборе врача и медицинской организации получить указанную информацию в доступной для него форме является элементом права на охрану здоровья, в связи с чем представляет не только частный, но и публичный интерес, поскольку здоровье, как отметил Конституционный Суд, это «высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности». Медицинский работник, в свою очередь, реализуя право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Конституции РФ), понимает, что сделанный им выбор не ограничивается удовлетворением его частных интересов, а тесно соприкасается с интересами общества. По этой причине, выбирая род деятельности, лицо тем самым соглашается с установленными законом условиями, «обеспечивающими повышенную открытость сведений о деятельности и компетенции представителей отдельных профессий».

Вместе с тем интересы медицинского работника, как отметил Конституционный Суд РФ, в рассматриваемой ситуации не являются полностью подчиненными публичным интересам. Так, редакция сетевого издания должна обеспечивать актуальность и достоверность распространяемых сведений, в связи с чем на ней лежит обязанность своевременно удалять информацию, утратившую актуальность. При этом отзывы и комментарии пользователей должны относиться именно к сфере профессиональной деятельности медицинского работника и не затрагивать его личные качества, тем более не носить характер диффамации или клеветы, не содержать оскорблений. В случае же появления подобных комментариев медицинскому работнику должны быть предоставлены право требовать опровержения распространенных сведений, а также право дать свой ответ в соответствии со ст. 46 Закона РФ «О средствах массовой информации». Если подтверждено несоответствие распространенных сведений действительности, медицинский работник вправе требовать удаления таких сведений с сайта.

Поиск баланса между частными и публичными интересами важен и при реализации избирательных прав. В Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П Конституционный Суд РФ обосновал необходимость существования правовых механизмов, способных охранять правовую демократию от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Таким механизмом является, в частности, ограничение пассивного из-

бирательного права лиц, имеющих или имевших в прошлом судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Пассивное избирательное право, как отметил Конституционный Суд, не сводится к удовлетворению гражданином своих частных интересов, связанных с участием в выборах в качестве кандидата. Оно «неразрывно связано с правом занимать публичную должность и тем самым осуществлять политическую власть, в том числе принимать нормативные правовые и правоприменительные акты, обязательные для других лиц». В связи с этим введение в федеральном законе ценза судимости «преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти».

Данную позицию Конституционный Суд подтвердил и в более позднем Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о возможности исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России». В нем он охарактеризовал избирательные права как «единство субъективных электоральных правомочий гражданина и общую (коллективную) заинтересованность в формировании легитимных органов народного представительства на основе принципа свободных выборов».

Равновесие конституционных прав и обязанностей. Как отмечалось выше, Конституционный Суд РФ раскрывает принцип справедливости через баланс прав и обязанностей. Сбалансированность прав и обязанностей гражданина была закреплена в результате конституционной поправки 2020 г. в качестве конституционного принципа в ст. 75.1 Конституции РФ. Но еще до этого Конституционный Суд РФ не раз акцентировал внимание на том, что конституционные права реализуются человеком в единстве с корреспондирующими им обязанностями.

Так, в Постановлении от 19 июля 2019 г. № 30-П Конституционный Суд подчеркнул, что право каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции) реализуется в единстве с обязанностями, включая обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ), а также обязанность платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). Конституционную обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам Конституционный Суд назвал «частью обеспечительного механизма реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду и других экологических прав», заключив, что в основе регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности лежит «принцип приоритета публичных интересов» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П). Поскольку благоприятная окружающая среда является одним из важнейших условий реализации такого фундаментального конституционного права, как право на жизнь [Невинский, 2019], общественный интерес здесь состоит в том числе в необходимости обеспечивать поддержание необходимого качества окружающей среды.

Приоритет публичных интересов в определенных сферах не следует понимать как противоречие ст. 2 Конституции РФ, согласно которой высшей ценностью в Российской Федерации признаются человек, его права и свободы. Эта конституционная формула не должна пониматься как абсолютный приоритет частных интересов в любых правоотношениях. Во многих случаях обеспечение прав и свобод человека возможно только при условии удовлетворения интересов публичных. К таковым относится право на благоприятную окружающую среду. Реализация данного права

каждым человеком возможна только при условии ответственного и бережного отношения к природе всех членов общества. По этой причине баланс интересов здесь смещен в сторону публичных интересов: без их должного учета удовлетворение частных интересов станет невозможным.

В большинстве случаев конституционные обязанности имеют публично-правовую природу и преследуют цель обеспечения публичных интересов (например, обязанность соблюдать Конституцию и законы, платить законно установленные налоги и сборы, защищать Отечество, беречь природу и окружающую среду). Вместе с тем существование у индивидов конституционных обязанностей обусловлено не только необходимостью обеспечения общественного интереса, но и конституционным требованием не нарушать права других лиц и ответственно относиться к их правам. В связи с этим непосредственный адресат исполнения некоторых конституционных обязанностей – частные субъекты. К таковым относится, например, обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ). Несмотря на то что реализация данной конституционной обязанности осуществляется без участия государства или общества, в рамках правоотношений между индивидами (ребенком с одной стороны и его родителями – с другой), ее закрепление в Основном законе придает ей публично значимый характер и подчеркивает конституционную значимость заботы о детях и воспитания каждого ребенка для всего общества в целом.

Норма ч. 2 ст. 38 Конституции интересна также тем, что в ней закрепляется то, что можно назвать «правообязанностью»: воспитание детей и забота о них – это одновременно право и обязанность родителей. При реализации данной обязанности Конституция возлагает на родителей (а также лиц, их заменяющих) еще одну конституционную обязанность – обеспечить получение детьми основного общего образования (ч. 4 ст. 43). Баланс интересов в отношениях между родителями и детьми дополняется нормой ч. 3 ст. 38 Конституции, предусматривающей «отложенную» встречную обязанность трудоспособных детей после достижения ими совершеннолетия заботиться о нетрудоспособных родителях.

Реализация отдельных конституционных прав и свобод сопряжена с необходимостью выполнения определенных обязанностей, хотя и не относящихся к разряду конституционных, но тоже обусловленных требованием о согласовании частных и публичных интересов с целью установления справедливого баланса между ними. Такие обязанности устанавливаются федеральными законами.

Например, право проводить публичные мероприятия (ст. 31 Конституции РФ) обусловлено, за некоторыми исключениями, обязанностью организатора направить в установленный срок уведомление в компетентный орган, а также выполнить ряд других требований, установленных Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Создание политической партии, представляющее собой одну из форм реализации права на объединение (ст. 30 Конституции РФ), предполагает ее государственную регистрацию, а с момента создания на партию возлагаются определенные обязанности. Реализация права на свободный выбор места пребывания и места жительства на территории Российской Федерации (ст. 27 Конституции РФ) сопряжена с необходимостью регистрации по месту пребывания или по месту жительства.

Конституционный Суд РФ охарактеризовал обязанность направлять уведомление о проведении публичного мероприятия как меру, «направленную на обеспечение мирного и безопасного характера мероприятия, согласующегося с правами и инте-

рсами лиц, не принимающих в нем участия», позволяющую избежать возможных нарушений общественного порядка и безопасности. Данная обязанность не нарушает сущность права на публичные мероприятия, поскольку позволяет примирить это право с правами и законными интересами других лиц – в частности с правом на свободное передвижение. Предварительное уведомление позволяет компетентным органам публичной власти «принять адекватные меры по предупреждению и предотвращению нарушений общественного порядка и безопасности, обеспечению защиты прав и свобод как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них не участвующих» (Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П). В то же время обязанности, связанные с реализацией того или иного права, не должны носить чрезмерный характер и нивелировать саму суть данного права.

Важную роль в установлении конституционного баланса интересов играют встречные обязанности субъектов правоотношений, направленные на реализацию прав и свобод человека и гражданина и выступающие в качестве гарантий их реализации. Обязанность не нарушать права и свободы других людей (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ) является генеральной (общей) конституционной обязанностью, обеспечивающей свободное осуществление каждым индивидом своих прав. Так, право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) одновременно может рассматриваться как обязанность всякого субъекта не лишать кого бы то ни было жизни; право частной собственности гарантируется обязанностью каждого субъекта не лишать собственника его имущества кроме как по решению суда (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ) и т. д. В качестве генеральной конституционной обязанности выступает и обязанность каждого субъекта (не только граждан и объединений, но и государства и органов публичной власти) соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). Наряду с обязанностью не нарушать права и свободы других лиц она создает фундамент для реализации принципа равенства и очерчивает объективные пределы осуществления конституционных прав и свобод, устанавливая баланс между различными интересами.

В ряде конституционных норм предусмотрены специальные обязанности, выступающие гарантиями реализации тех или иных субъективного права или свободы. Так, ч. 3 ст. 37 Конституции РФ, гарантирующая право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, означает одновременно конституционную обязанность работодателей производить оплату труда и обеспечивать выполнение требований безопасности и гигиены на рабочих местах.

Однако главным субъектом, несущим обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, является государство, что следует из ст. 2 и 18 Конституции РФ. Любые субъективное право или свобода только тогда становятся реальными, когда получают юридический механизм реализации и защиты, а в противном случае рискуют остаться политико-правовой декларацией, не обеспеченной встречными обязанностями ни со стороны государства, ни со стороны каких-либо других субъектов. Конституция РФ не предписывает государству применять конкретные механизмы признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, оставляя этот вопрос во многом на усмотрение законодателя. Вместе с тем ряд механизмов закреплен непосредственно в Конституции РФ.

Например, обязанность государства защищать права человека (ст. 2 Конституции РФ) и корреспондирующая ей конституционная функция правосудия – обеспечивать права и свободы человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ) – раскры-

ваются в гарантиях судебной защиты прав и свобод человека (ст. 46 Конституции РФ), процессуальных гарантиях при рассмотрении дел в судах (например, запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление – ст. 50 Конституции РФ, гарантия от самообвинения – ст. 51 Конституции РФ, презумпция невиновности – ст. 49 Конституции РФ), а также в требованиях о соблюдении надлежащей правовой процедуры при решении вопроса об ограничении тех или иных личных прав и свобод человека – например, в случае ареста или заключения под стражу (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ).

Другие механизмы, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека (прежде всего экономических и социальных), связаны с позитивными обязательствами государства, обусловленными, в частности, принципом социального государства (ст. 7 Конституции РФ). Например, ст. 39 Конституции РФ закрепляет обязанность государства устанавливать государственные пенсии и социальные пособия, ст. 41 Конституции РФ – обязанность финансировать из бюджета бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, ч. 5 ст. 43 Конституции РФ – обязанность государства устанавливать федеральные государственные образовательные стандарты и т. д.

Ограничения прав и свобод человека и гражданина как механизм установления баланса между конкурирующими интересами. Выше мы установили, что осуществление всяких прав и свобод имеет естественные пределы, обусловленные наличием у других лиц аналогичных прав и свобод, а также существованием общественного интереса, заключающегося в поддержании демократического правопорядка и защите ценностей, получивших отражение в Конституции.

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закладывает юридическую основу для установления ограничений прав и свобод. Она называет три критерия, которые, действуя в совокупности, определяют конституционную правомерность всякого ограничения.

Во-первых, критерий законности. Права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться только федеральными законами. Данное правило корреспондирует конституционному разграничению предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, согласно которому регулирование (а следовательно, и ограничение) прав и свобод человека относится к исключительному федеральному ведению и, следовательно, может осуществляться только единообразно в масштабах всего государства (п. «в» ст. 71 Конституции РФ). Это обусловлено принципом равенства и запретом на дискриминацию по признаку места жительства (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ): человек не может иметь меньший объем прав только на том основании, что проживает в определенном субъекте РФ [Несмеянова, Колобаева, 2018: 11]. Впрочем, Конституционным Судом РФ этот критерий был истолкован расширительно: федеральным законом может быть предусмотрена возможность субъектов устанавливать особенности реализации определенных прав и свобод – например, устанавливать дополнительные места, в которых запрещается проведение публичных мероприятий (Постановление от 1 ноября 2019 г. № 33-П). С точки зрения Конституционного Суда РФ, установление подобных особенностей является не ограничением конституционных прав и свобод, а лишь конкретизацией механизмов их реализации с учетом региональных условий.

Во-вторых, критерий необходимости. Часть 3 ст. 55 Конституции перечисляет конституционно значимые цели, для достижения которых могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина. Этими целями могут быть защита прав и свобод других лиц, а также защита таких публичных интересов, как здоровье

и нравственность населения, конституционный строй, суверенитет Российской Федерации, обороноспособность страны и безопасность государства. Критерий необходимости означает, что без установления соответствующих ограничений возникает реальная угроза причинения ущерба частным или публичным интересам, охраняемым Конституцией. Так, Конституционный Суд РФ счел слишком широким, а потому не соответствующим Конституции РФ, запрет работникам предприятий гражданской авиации проводить забастовки (Постановление от 17 мая 1995 г. № 5-П). Не дифференцируя работников в зависимости от их трудовой функции, оспариваемый закон распространялся равным образом на всех, кто работал в отрасли. При этом если забастовка работников одних профессий действительно могла привести к ущемлению интересов большого числа других лиц, то работники других профессий, разрешая подобным образом трудовые споры, вряд ли могли создать угрозу конституционно охраняемым ценностям, и в данном случае не было оснований для ограничения их частных интересов.

В-третьих, критерий соразмерности. Устанавливаемые ограничения должны быть пропорциональны тем целям, ради которых они устанавливаются. Во всяком случае они не должны носить произвольный характер и быть безразмерными. Другими словами, принцип приоритета человека, его прав и свобод требует, чтобы ограничения были по возможности минимально необходимыми для защиты ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.непропорциональное ограничение неконституционно. При этом устанавливаемые ограничения не должны сводить на нет суть самого ограничиваемого права – иное противоречило бы принципу неотчуждаемости прав и свобод.

Ряд ограничений закреплен непосредственно в Конституции РФ. Они носят характер конституционных запретов и устанавливают объективные пределы действия тех или иных прав. К общим конституционным запретам можно отнести запрет нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), умалять достоинство личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), подвергать кого бы то ни было пыткам, насилию или иному бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, медицинским, научным и иным опытам без согласия лица (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ).

Наряду с общими запретами предусмотрены специальные запреты, сопряженные с осуществлением конкретных права или свободы. Например, при реализации права на объединение запрещаются создание и деятельность объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции РФ). Запрет на цензуру (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), служащий важной гарантией свободы массовой информации, а также запрет на принуждение к выражению мнений или убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ) уравниваются запретом на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ). Положения ст. 31 Конституции, гарантирующей право граждан собираться мирно, без оружия, могут быть интерпретированы как конституционный запрет на проведение немирных собраний, в том числе с использованием оружия. Часть 2 ст. 34 запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Примеры можно продолжать.

В определенных случаях ограничения затрагивают только определенные категории индивидов. Например, ст. 32 Конституции РФ запрещает избираться и быть избранным лицам, содержащимся в местах лишения свободы по вступившему в силу приговору суда, что обусловлено особой конституционно-правовой природой избирательных прав, сочетающих в себе, как отмечалось выше, не только частные, но и публичные интересы. При этом исходя из принципа равноправия ограничение прав и свобод не должно приобретать характер дискриминации. Часть 2 ст. 19 Конституции запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Ограничения могут устанавливаться в зависимости от обстановки или условий. Например, права и свободы могут быть ограничены в случае введения чрезвычайного или военного положения для обеспечения таких публичных интересов, как защита населения и безопасности государства. При этом ч. 3 ст. 56 Конституции РФ перечисляет «абсолютные» права, которые не могут быть ограничены ни при каких условиях, в их числе право на жизнь, на достоинство, свобода совести и вероисповедания, гарантии судебной защиты. Конституционный законодатель в некоторой степени придает таким правам и свободам больший вес (не отменяющий, впрочем, их равноценности другим правам), не допуская их подчинения публичным интересам. Действительно, сложно представить существование такого публичного интереса, который оправдывал бы умаление человеческого достоинства или ограничение права на судебную защиту.

В действительности перечень «абсолютных» прав, перечисленных в ст. 56 Конституции, также достаточно условен. Так, относя к ним право на жизнь, Конституция в то же время допускает в ст. 20 смертную казнь. Даже сформулированные ранее Конституционным Судом РФ позиции (Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П, Определение от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р), в которых мораторию на смертную казнь дана характеристика «необратимого процесса», не могут выступать окончательной гарантией недопустимости смертной казни. Решения Конституционного Суда, как известно, обусловлены конкретной социально-политической обстановкой на момент их вынесения, и в дальнейшем не исключен их пересмотр.

Данное обстоятельство, вероятно, побуждает отдельных представителей политической элиты и академических кругов возобновлять в текущей политической ситуации дискуссии о возвращении смертной казни. Ограничение права на жизнь, налагаемое в виде смертной казни (и являющееся в силу необратимого характера в действительности лишением этого права, а также остальных конституционных прав), может предусматриваться только в ситуациях, когда публичный интерес, требующий такого ограничения, будет перевешивать любые частные интересы соответствующего индивида, в первую очередь – интерес в сохранении им своей жизни, с учетом того, что, как отметил Конституционный Суд РФ, «жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна» (Постановление от 25 декабря 2020 г. № 49-П).

Необходимо подчеркнуть, что ограничения прав и свобод меняются с течением времени. Это связано с тем, что баланс между различными интересами зависит от социально-политического контекста в определенный промежуток времени, а «стабильность Конституции РФ, в т. ч. ее фундаментальных положений, сочетается с потенциалом ее динамизма, развития» [Бондарь, 2020: 25]. Это не раз констатировал Конституционный Суд РФ.

Так, признавая конституционным запрет на создание политических партий по религиозному или этническому признаку, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что данное ограничение обусловлено «конституционным принципом демократического и светского государства применительно к конкретно-историческим реалиям, сложившимся в Российской Федерации как многонациональной и многоконфессиональной стране», в условиях «сохраняющейся напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений, а также возрастающих политических претензий со стороны современного религиозного фундаментализма, когда привнесение в сферу политики (а значит, в сферу борьбы за власть) дифференциации по религиозному признаку, которая может приобрести и национальный оттенок, чревато расколом общества на национально-религиозные составляющие» (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П). В будущем не исключается, что законодатель в рамках его дискреционных полномочий будет изменять подход к правовому регулированию соответствующих отношений, исходя из изменившихся условий и с учетом необходимости в корректировке баланса между интересами различных участников конституционных правоотношений.

Интересной иллюстрацией контекстуального подхода к определению баланса интересов служит Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П, в котором Суд признал конституционность ограничения свободы передвижения (причем установленную подзаконным актом субъекта РФ) в условиях пандемии COVID-19. Свою позицию он аргументировал требованием «обеспечения конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина в целях поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества, в том числе вызванных уникальным (экстраординарным) характером ситуации распространения нового опасного заболевания».

Выводы

Проведенное исследование показывает, что конституционно-правовое регулирование нацелено на постоянный поиск баланса между различными конкурирующими между собой частными и публичными интересами; на достижение такого состояния, при котором разнонаправленные интересы могут сосуществовать, обеспечивая достойную жизнь и свободное развитие каждого индивида в безопасных условиях.

Балансом интересов можно назвать такое правовое состояние, при котором права и свободы одних индивидов могут в необходимой и разумной степени ограничиваться для обеспечения публичных интересов и защиты прав и свобод других индивидов, без дискриминации и произвольного умаления прав и свобод одного человека или группы людей в угоду правам и свободам другого человека или группы. При этом публичные интересы не должны противопоставляться частным интересам и рассматриваться в отрыве от них. В действительности они являются условиями, необходимыми для реализации индивидами и их объединениями своих частных интересов.

В каждом случае «точка равновесия» между различными интересами не является раз и навсегда заданной, она подвижна и зависит от складывающейся социально-политической ситуации в каждый исторический промежуток времени. В то же время Конституция страны, закладывая нормативный и ценностный фундамент правового регулирования общественных отношений, не позволяет определять эту точку произвольно. Принципы равенства и справедливости, демократического и правового государства, высшей ценности прав и свобод человека и гражданина выступают незыблемыми константами, которые служат отправной точкой в опре-

делении баланса интересов – как в конституционном праве, так и в отраслевом законодательстве.

Библиографический список

Астафичев П. А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22. – С. 79–85.

Блещик А. В., Калинина Е. Г., Несмеянова С. Э. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 87–100.

Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 20–34.

Борисова П. А. К концепции социальной справедливости Дж. Ролза // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2015. – № 2. – С. 53–56.

Головина С. Ю. Главная задача сегодня – найти устойчивый баланс интересов работника и работодателя // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. – № 4-5. – С. 12–17.

Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 31–37.

Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // Lex Russica. – 2020. – № 10. – С. 9–20.

Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном Российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 6–13.

Кулаков В. В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. – 2016. – № S1. – С. 174–185.

Ломакина Л. А. Баланс интересов в трудовых отношениях // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 6. – С. 104–116.

Нарутто С. В. Конкуренция конституционных прав и свобод человека в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 56–65.

Невинский В. В. Обеспечение благоприятной окружающей среды как конституционный императив для человека и гражданина в России // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 11. – С. 11–18.

Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 71–74.

Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е. Конституционное ограничение основных прав и свобод человека // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 3. – С. 9–16.

Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. Целищева В. В. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 534 с.

Сафонов В. Н. Баланс публичных и частных интересов в конституционных судебных доктринах (сравнительно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 3. – С. 10–13.

Ульянов А. В. Баланс частных и публичных интересов как нормативный идеал в системе конституционно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 6. – С. 1080–1083.

Уманская В. П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть Закона. – 2017. – № 1. – С. 69–79.

References

Astafichev, P. A. (2014) Balans konkuriruyushchikh printsiptov, interesov i tsennostei v konstitutsionnom prave Rossii [A balance of competing principles, interests and values in the Russian constitutional law]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, (22), 79–85.

Bleshchik, A. V. & Kalinina, E. G. & Nesmeyanova, S. E. (2021) Transformatsiya konstitutsionnoi identichnosti gosudarstva v usloviyakh vyzovov sovremennosti [Transformation of constitutional identity due to contemporary challenges]. *Pravoprimerenie*, (5:3), 87–100.

Bondar', N. S. (2020) «Vechnye» konstitutsionnye idealy: naskol'ko oni neizmenny v menyayushchemsya mire? [«Eternal» constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world?]. *Gosudarstvo i pravo*, (6), 20–34.

Borisova, P. A. (2015) K kontseptsii sotsial'noi spravedlivosti Dzh. Rolza [Towards the Rawls's conception of social justice]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, (2), 53–56.

Golovina, S. Yu. (2011) Glavnaya zadacha segodnya – naiti ustoychiviy balans interesov rabotnika i rabotodatelya [The main task of today is to find the balance of interests of employee and employer]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (4-5), 12–17.

Davletov, A. A. & Azarenok, N. V. (2021) Balans publichnogo i chastnogo interesov kak osnovopolagayushchii faktor formirovaniya sovremennogo rossiiskogo ugolovnogo protsessa [The balance of public and private interests as a fundamental factor in the formation of the modern Russian criminal process]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, (6), 31–37.

Kokotov, A. N. (2020). Konstitutsionnyi Sud Rossii i zashchita prav i svobod [The Russian Constitutional Court and the defence of rights and freedoms]. *Lex Russica*, (10), 9–20.

Kondrashev, A. A. (2017) Konstitutsionnye tsennosti v sovremennom Rossiiskom gosudarstve: o konfliktakh i deval'vatsiyakh [The constitutional values in the modern Russian state: on the conflicts and devaluations]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (1), 6–13.

Kulakov, V. V. (2016) Razumnyi balans interesov kak tsel' grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Reasonable balance of interests as a goal of civil and legal regulation]. *Rossiiskoe pravosudie*, (S1), 174–185.

Lomakina, L. A. (2021) Balans interesov v trudovykh otnosheniyakh [The balance of interests in labour relations]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (25:6), 104–116.

Narutto, S. V. (2010) Konkurentsia konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka v interpretatsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Competition between the rights and freedoms of man and citizen in the interpretations of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (2), 56–65.

Nevinskii, V. V. (2019) Obespechenie blagopriyatnoi okruzhayushchei sredy kak konstitutsionnyi imperativ dlya cheloveka i grazhdanina v Rossii [Ensuring favorable environment as a constitutional imperative for the man and citizen in Russia]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, (11), 11–18.

Nesmeyanova, S. E. (2017) K voprosu ob ierarkhii konstitutsionnykh tsennostei [To the question of constitutional values]. *Pravovaya paradigma*, (16:4), 71–74.

Nesmeyanova, S. E. & Kolobaeva, N. E. (2018) Konstitutsionnoe ogranichenie osnovnykh prav i svobod cheloveka [Constitutional limitation of fundamental human rights and freedoms]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (3), 9–16.

Rawls, J. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [The Theory of Justice], Moscow, Izd-vo LKI. 534 p.

Safonov, V. N. (2020) Balans publicnykh i chastnykh interesov v konstitutsionnykh sudebnykh doktrinaх (sravnitel'no-pravovoi aspekt) [The balance of public and private interests in constitutional judicial doctrines (a comparative law aspect)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (3), 10–13.

Ul'yanov, A. V. (2013) Balans chastnykh i publicnykh interesov kak normativnyi ideal v sisteme konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [A balance of private and public interests as a normative ideal in the system of constitutional and legal regulation]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, (6), 1080–1083.

Umanskaya, V. P. (2017) Balans publicnykh i chastnykh interesov v administrativnom prave [The balance of public and private interests in administrative law]. *Vlast' Zakona*, (1), 69–79.

Информация об авторах

Марат Сабирьянович Саликов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева (e-mail: kp@usla.ru).

Артур Николаевич Мочалов – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева (e-mail: artur.mochalov@usla.ru).

Information about the authors

Marat S. Salikov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Constitutional Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: kp@usla.ru).

Artur N. Mochalov – Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor of Constitutional Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: artur.mochalov@usla.ru).

© М. С. Саликов, 2023

© А. Н. Мочалов, 2023

Дата поступления в редакцию / Received: 10.12.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.12.2023